УДК 929

Б.С. Каганович

К биографии М.Д. Приселкова

В огромном личном фонде академика Н.Я. Марра, находящемся в Петербургском филиале Архива Российской академии наук, хранятся два обращенных к нему письма выдающегося русского историка Михаила Дмитриевича Приселкова (1881–1941). В обоих случаях Приселков обращался к Марру не как к создателю «нового учения о языке», а как к авторитетному и влиятельному человеку, к мнениям и рекомендациям которого порой прислушивались и в высоких советских инстанциях. Как известно, в 20–30-х гг. Н.Я. Марр занимал множество должностей, в частности был председателем Секции научных работников — профессиональной организации ученых в рамках ВЦСПС, а с 1930 г. являлся вице-президентом АН СССР. На более раннем этапе своей деятельности Марр в качестве специалиста по средневековой грузинской и армянской литературе и редактора журнала «Христианский Восток» тесно соприкасался с византиноведением и, несомненно, был хорошо знаком с работами Приселкова по истории церковно-политических отношений Византии и Киевской Руси.

Не останавливаясь здесь на деталях биографии М.Д. Приселкова[1], скажем только, что этот крупнейший специалист по русскому летописанию, ученик и ближайший продолжатель дела А.А. Шахматова, до революции работал на кафедре истории церкви Петербургского университета, а позднее — на кафедре русской истории. Начиная с 1923 г. Приселкова стали вытеснять из универси-

[1] См. статью ученика и продолжателя Приселкова: *Лурье Я.С.* Предисловие // Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 5–15 (публиковалась также под названием: *Лурье Я.С.* М.Д. Приселков и вопросы изучения русского летописания // Отечественная история. 1995. № 1. С. 146–159).

тета в рамках борьбы с «буржуазной историографией»; окончательно вне университета он оказался в 1927 г. и сосредоточился на работе в историко-бытовом отделе Русского музея[2].

Последующие годы в жизни ученого были трагическими: 30 августа 1930 г. М.Д. Приселков был арестован по так называемому «Академическому делу», сфабрикованному ОГПУ (официально оно именовалось делом «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», никогда не существовавшей контрреволюционной организации, готовившей якобы свержение советской власти)[3]. 10 февраля 1931 г. он был приговорен к 10 годам заключения и отправлен в Соловецкий концлагерь. 15 декабря 1931 г. тюремное заключение Приселкову было заменено 5 годами высылки в Западно-Сибирский край. В августе 1932 г. последовало новое смягчение: отныне ему запрещалось «только» проживать в 12 крупнейших городах СССР без прикрепления к Сибири. Более трех лет Приселков провел в г. Галиче Костромской области, где работал бухгалтером. В Ленинград он вернулся в конце 1935 г.[4]

Публикуемое ниже письмо М.Д. Приселкова к Н.Я. Марру уточняет ряд обстоятельств его жизни в эти годы и позволяет воочию увидеть, чем была ссылка для ученого, оторванного от своего дела. Из текста недатированного письма очевидно, что оно написано во второй половине 1933 г. Некоторые акценты в письме, вероятно, объясняются его назначением и горькой обидой автора на жизнь и людей. Имеем в виду слова о том, что «все мои товарищи по процессу упорно твердили, что я церковный историк», в то время как «я всю жизнь работал над одною темою: русско-византийскими отношениями». Но ведь Приселков действительно состоял на кафедре церковной истории и в 1917–1918 гг. участвовал в работе Поместного собора Русской православной церкви, о чем прекрасно знали фабрикаторы «дела» (хотя, разумеется, ничего криминального в этом не было), и в том, что произошло с Приселковым, виновны были отнюдь не его «товарищи по процессу». В частности, В.Н. Бенешевич 15 апреля 1934 г. просил В.Д. Бонч-Бруевича ходатайствовать о возвращении в Ленинград Приселкова, в лице которого «погибает для науки человек в своем роде единственный», «талантливейший исследователь», добавляя, что «преступлений за ним столько же, сколько и за мной, и такие же»[5].

---

[2] В первом из вышеупомянутых писем к Н.Я. Марру, от 1 сентября 1928 г., Приселков просил его как председателя Секции научных работников содействовать получению им академической пенсии (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 777. Л. 1–2).

[3] Не приводя здесь теперь уже довольно значительной литературы об «Академическом деле», увидевшей свет с конца 1980-х гг., ограничимся указанием на публикацию: Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993–1998. Вып. 1–2.

[4] *Лурье Я.С.* Предисловие. С. 11–12.

[5] *Медведев И.П.* Переписка В.Н. Бенешевича с В.Д. Бонч-Бруевичем // Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 115.

***

Галич, ИПО[6],
Рыбная, ул. Калинина, 24

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Узнал из газет, что Вы благополучно вернулись в Ленинград, и спешу обратиться к Вам за помощью.

В начале марта текущего года меня вызвали из Нарымского края в г. Новосибирск, чтобы объявить мне, что еще в августе 1932 г. (т.е. полгода тому назад) ЦИК «освободил» меня от наказания, только ограничив мое местожительство минусом 12 без прикрепления. Это постановление я прочитал и запомнил, конечно. На мой вопрос, могу ли я как освобожденный от наказания просить о восстановлении моей профессорской пенсии, мне предложили обратиться за разъяснением к прокурору Западно-Сибирского края. Сам прокурор был в отъезде, а принявший меня его заместитель, ознакомившись с моим делом, сказал, что я еще в декабре 1931 г., когда мне заменили десятилетний приговор в лагеря пятью годами высылки в г. Новосибирск, мог бы начать эти хлопоты о восстановлении, но что с августовского постановления ЦИК'а нет никаких сомнений в моем праве на восстановление моей пенсии и советовал сейчас же начинать хлопоты.

Приехав из Новосибирска в Галич, я и подал в Наркомпрос (в Пенсионную комиссию) прошение о восстановлении мне пенсии. Это было в начале апреля. В начале июля сестра моя получила наконец справку из Пенсионной комиссии, что мне в моей просьбе отказано.

Николай Яковлевич! Я не юрист и не могу понять, в чём здесь дело. Зам. прокурора сказал мне то, что соответствовало, как мне кажется, ясному смыслу приговора ЦИК'а и что я сам понимал также: раз освобожден от наказания и только ограничен в правах жительства (так в приговоре и сказано: «только ограничив местожительство»), то нет ограничения в имущественных правах, ни в праве на пенсию, конечно. Мне за эти скоро три года и жене моей в особенности пришлось потерять всё имущество или его распродать. Мы со старухою-женою и в разлуке и в нищете. Помогите же мне получить мою пенсию, потому что отказ мне в этом я считаю неправильным и несправедливым.

К этому я добавлю только одно. Я приехал в Галич, рассчитывая отсюда куда-нибудь отправиться, чтобы найти работу по специальности (я думал о музее). Вы представьте мое удивление, когда мне здешнее ГПУ объявило, что я до конца срока (т.е. до декабря 1935 г.) буду безвыездно жить в Галиче, т.е. из минуса 12 без прикрепления мне сделали с прикреплением. И по какому это приказу? Все мечты о работе в музее приходится оставить и работать счетоводом в артелях[7].

[6] Ивановская промышленная область.

[7] Д.С. Лихачев вспоминал, что находясь в Соловках, М.Д. Приселков отказался от работы в музее, заявив: «Я попал сюда за занятия историей и больше ею заниматься не буду»

Я всю жизнь работал над одною темою: русско-византийскими отношениями. Для этого я почти 15 лет изучал русское летописание XIV–XV вв., как когда-то А.А. Шахматов изучил Киевские летописные своды. Я восстановил сгоревшую Троицкую летопись конца XIV в., и мне хотелось бы завершить 30-летний труд[8]. Но все мои товарищи по процессу упорно твердили, что я церковный историк и, следовательно, контрреволюционер. И я, принципиальный враг всякого рода интервенций, объявлен участником заговора. Всё это как сон, тяжелый и мучительный! И эта нищета под старость, и это забвение всей моей работы по музею, и этот несправедливый отказ от пенсии... А Е.В. Тарле, В.Н. Бенешевич, Д.Н. Халтурин — уже свободны и дома!

Неужели, Николай Яковлевич, Вы не протянете мне руку помощи? Я всегда Вас почитал как человека искренного, справедливого и отзывчивого к своим младшим товарищам по научной работе.

Вас уважающий М. Приселков.

Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 800. Оп. 3. Д. 777. Л. 3–4. Автограф

References

Akademičeskoe delo 1929–1931 gg. Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. SPb., 1993–1998. Vyp. 1–2.

Lur'e Â.S. Predislovie // Priselkov M.D. Istoriâ russkogo letopisaniâ XI–XV vv. SPb., 1996. S. 5–15.

Lur'e Â. S. M.D. Priselkov i voprosy izučeniâ russkogo letopisaniâ // Otečestvennaâ istoriâ. 1995. № 1. S. 146–159.

Medvedev I.P. Perepiska V.N. Beneševiča s V.D. Bonč-Bruevičem // Vseobŝaâ istoriâ i istoriâ kul'tury. Peterburgskij istoriografičeskij sbornik. SPb., 2008.

Priselkov M.D. Troickaâ letopis'. Rekonstrukciâ teksta. M.; L., 1950.

Список литературы

Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993–1998. Вып. 1–2.

Лурье Я.С. Предисловие // Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 5–15.

Лурье Я.С. М.Д. Приселков и вопросы изучения русского летописания // Отечественная история. 1995. № 1. С. 146–159.

Медведев И.П. Переписка В.Н. Бенешевича с В.Д. Бонч-Бруевичем // Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник. СПб., 2008.

Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

(цит. по: *Лурье Я.С.* Предисловие. С. 12). Приходится признать, что или память подвела здесь покойного академика, или настроения М.Д. Приселкова в последующие годы изменились.

[8] См. посмертное издание: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.